

18+

Анжело Мэй

Егорка

Анжело Мэй

Егорка

«Издательские решения»

Мэй А.

Егорка / А. Мэй — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-505966-6

Что ждёт нас за порогом дома? Удача? Любовь? Или, может быть, смерть? А может быть, всё сразу? Никогда не узнаешь, пока не сделаешь этот шаг...

ISBN 978-5-00-505966-6

© Мэй А.

© Издательские решения

Егорка

Анжело Мэй

© Анжело Мэй, 2020

ISBN 978-5-0050-5966-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сегодня выпал первый настоящий снег. На календаре ещё маячил ноябрь, но уже стало ясно, что осень закончилась и наступила зима.

Виктор Прокопъич знал – это была его последняя осень. Предстоящую зиму он не переживёт. Неизвестно, откуда у него появилась эта уверенность, но в последнее время он стал доверять своему подсознанию. В прошлом году такого чувства не было. Он не мог ни описать его, ни тем более объяснить. Тревоги не было, страха тоже. Просто знание. Как то, что завтра будет четверг, а вчера был дождь. Можно сомневаться насчёт завтрашнего снега, дождя или ветра. Но то, что завтра будет четверг, сомнений не было.

Сегодня ему исполнилось восемьдесят шесть лет. Утром он тщательно побрился. Эта нехитрая процедура в его положении заняла почти час. Сначала долгое умывание в горячей воде – в надежде хоть как-то смягчить жёсткую щетину. Потом подготовка станка. Тяжёлый, металлический, сделанный «на века», верой и правдой отслужил уже лет сорок. По случаю праздника старое лезвие отправилось в утиль. Из выдвижного ящика фанерной тумбочки на божий свет дед извлёк последнюю коробочку, из которой вынул новое лезвие в бумажном конвертике. Подумал, вытряхнул всё, что осталось. На мозолистую ладонь выпали два лезвия в таких же вошёных бумажках. Дед вздохнул, аккуратно сложил их вместе и засунул обратно в упаковку. Этого могло хватить на полгода. В приметы, знаки и прочую ерунду он не верил, но если бы в его душе осталась хоть капля романтики, он мог бы сейчас сказать о себе «за три лезвия до конца жизни».

Сейчас таких уже не делают. Когда он в последний раз сам ходил в магазин, молодая продавщица долго не могла понять, чего от неё хочет этот обтянутый жёлтой кожей скелет, одетый в «антикварный» костюм. Постепенно она поняла, что ему нужен бритвенный прибор, и предложила на выбор разные современные станки. Дед же пришёл в непонятное волнение, долго тряс клюкой и чуть не разбил витрину. Из невнятного потока слов она разобрала только, что кто-то продал Родину, но так и не поняла, причём здесь бритва. Два дюжих охранника его еле успокоили, вывели на свежий воздух и усадили на лавочку. Один из них присел рядом: на всякий случай, если деду взбредёт в голову вернуться в супермаркет. Парень оказался родом из глухой провинции и только обживался в столице.

– Да не переживай так, отец. Что тебя так расстроило? – участливо спросил он, но дед только помотал головой, смачно плюнул на асфальт и отвернулся.

Минут через десять он с трудом поднялся, тяжело опёрся на трость и, не оборачиваясь, побрёл домой.

Он сегодня не ждал гостей, если не считать толстую рябую девку Наталью, которая два раза в неделю приносила ему продукты. В прошлый раз он заказал ей чекушку, чем несказанно удивил. Она проработала у него чуть меньше года, но такую просьбу услышала впервые. Поначалу, правда, заученно отказывалась, но вовремя спохватилась – ведь Прокопъич явно был не из «таких».

– Чо случилось-то, дед? – по привычке кричала ему в ухо социальная работница, хотя со слухом у него всё было в порядке. – Помер, что ль, кто?

– Ты чего орёшь-то, дура? Сплюнь. День рождения у меня скоро. Так купишь?

– Куплю, не переживайте, – вдруг прониклась к нему уважением Наталья. – Вам какую, «Праздничную» или «Юбилейную»?

– А нормальную что, не делают уже? – поинтересовался дед. – «Столичную», или «Московскую» хотя бы.

– Будет тебе «Столичная», – пообещала она и убежала по своим делам.

Но сейчас брился он не для убогой Натальи, а исключительно для себя. Это был его последний день рождения, так сказать итоговый, и встретить его не при полном параде он не мог. Друзей и родственников у него не было. Были сослуживцы, друзей никогда. С родственниками сложнее. Женился он поздно, на молодой сотруднице. Она с восхищением слушала все его доклады, угощала домашними вкусностями, и Виктор Прокопьевич как-то незаметно для себя оказался женат. Поначалу он проявлял строгость и сухость, но никогда не повышал голоса и тем более не поднимал на неё руку. Машенька рано потеряла родителей и воспитывалась в приюте. Ей с детства не хватало заботы, обычную рафинированную интеллигентность она приняла за любовь и выплеснула накопившиеся за годы эмоции на него, чопорного учёного. Он позволял любить себя и даже иногда давал почитать черновики своих выступлений для, так сказать, «очеловечивания», но со временем оттаял и уже не представлял свой быт без вечно суевающейся жёнушки. Впрочем, их семейное счастье продлилось недолго.

Машенька покинула его в канун их оловянной свадьбы. Какая-то агрессивная форма рака буквально за месяц вытянула из неё все жизненные соки. Из цветущей женщины она превратилась в высохший цветок, зачахла и умерла в страшных муках у него на руках. С ним остался девятилетний сын. Что делать с ребёнком, он не знал. Смерть жены его сильно подкосила. Чтобы не сойти с ума, Виктор Прокопьевич с головой ушёл в работу.

Дома всё невыносимо больно напоминало об утрате, и он старался как можно меньше времени находиться в стенах некогда счастливой обители. Всё чаще стал летать в командировки, иногда недели на две, а то и больше. Денег на няньку не было, да и не принято тогда это было. За Мишкой присматривала соседка, не давая ему помереть с голоду во время длительных отлучек отца. Удивительно, но пацан не пошёл по кривой дорожке: наоборот, относился к отцу с уважением и проникся учёбой. После школы он поступил в институт, где его и настиг водоворот переломной эпохи. На последнем курсе уже стало очевидным, что инженеры при новой власти никому не нужны. Зато они стали востребованы в разных банках и торговых компаниях, которые плодились, как грибы после дождя. Михаил устроился в небольшой банк, где стал строить карьеру.

Виктор Прокопьевич всегда недолюбливал власть. Его просто выворачивало наизнанку, когда политика вмешивалась в стройную механику машин и механизмов. Работники халтурили, чтобы отчитаться к очередному партийному празднику. Из-за этого неизбежно возникали поломки и аварии. Но когда пришла новая власть и сломалась не одна машина, а вся промышленность, развалилась огромная страна. Прокопьевич был готов как ворошиловский стрелок прятаться в кустах и отстреливать всех либералов и нуворишей по очереди. Поэтому когда он узнал, что его сын стал банкиром, оказался в самом, можно сказать, логове злейшего врага, то выкинул его на улицу и навсегда запретил переступать порог отчего дома.

Поначалу Михаил ещё как-то пытался наладить отношения с отцом, но тот и слышать его не хотел, не то чтобы видеть. Первое время он ещё слал открытки на Новый год, день Победы и день рождения. Но не получил ни одного ответа. Отца судьба сына волновала не больше битой черепицы на гараже во дворе. Года три назад, правда, появилась какая-то женщина в очках, тёмном костюме и пучком на голове. Она представилась адвокатом и сказала, что его сын находится под следствием и ему требуется помощь. Услышав, что речь идёт о Михаиле, Виктор Прокопьевич заявил, что у него нет сына, помогать он никому не будет, а вор должен сидеть в тюрьме.

Оставшись один на один с враждебным миром, он с головой ушёл в свои механизмы, думая, что там политики нет и быть не может. Но и здесь его ждало разочарование. Его институт протянул ненамного дольше некогда великой державы и приказал долго жить. Зарплату сначала задерживали месяцами, а потом и вовсе перестали платить.

Первое время удавалось подрабатывать сантехником, но эта работа убивала морально. Не то чтоб Прокопьевич боялся испачкать руки в чужом дерьме, но прислуживать новым «хозяевам жизни», которых он ненавидел всей душой, было мерзко и противно. Потом кто-то из бывших коллег пристроил его профессором в альма-матер.

Платили там мало и нерегулярно, и большинство преподавателей жило на студенческие подачки. Виктор Прокопьевич взяток никогда не брал и студентам спуска не давал, что никак не вписывалось в новые «стандарты» обучения. Постепенно конфликт с руководством института достиг своего апогея, и при очередном конкурсе вместо него, профессора и автора сотни научных статей, взяли какого-то прохиндея, купившего себе кандидатскую диссертацию и умеющего выколачивать из студентов деньги в обмен на дипломы.

К этому времени Виктор Прокопьевич, хоть и был полон сил, но находился уже в глубоком пенсионном возрасте. Снова устроиться на работу шансов не было, и он ушёл в писательство. Будучи по жизни педантом, профессор, как Плюшкин, собирал все свои накопленные знания и опыт в картонные папки на тесёмках. Теперь настала их очередь. Он считал, что не сумел воспитать достойное потомство, зато оставит после себя фундаментальный труд по теории машин и механизмов. Политические формации меняются, но шестерёнки в станках всё равно должны крутиться. Когда-нибудь это станет очевидным – вот и вспомнят принципиального учёного, вытряхнут из завалов истории его труды. На памятник или даже мемориальную доску он не рассчитывал, но на добрую память благодарных потомков имел право.

Несколько лет мир Виктора Прокопьевича ограничивался старым письменным столом, где под светом лампы с зелёным абажуром росли кипы исписанных карандашом бумаг. Титанический труд не прошёл бесследно. Зрение сильно ухудшилось, а передвигаться он мог только с помощью нелепой клюки.

Местный собес выделил ему, как ветерану трудового фронта, социального работника, который навещался два раза в неделю, приносил продукты из ближайшего магазина и спрашивался о состоянии здоровья. За какие такие заслуги он получил помощника, Прокопьевич не знал. Поначалу даже решил, что это чёрные риелторы таким образом хотят его уморить и хапнуть квартиру. Он даже написал объявление и повесил на дверях квартиры. Там значилось: «Уважаемые агенты и риелторы! Эта квартира находится в залоге по кредиту у банка. Просьба не беспокоить!» Он решил, что хитроумная идея отпугнёт любителей лёгкой наживы и ждал, когда пропадёт «социальный работник». Но тот упорно продолжал приходить по вторникам и пятницам. В конце концов, профессор смирился и даже ощутил пользу, поскольку появилось дополнительное время для работы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.